

★ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР ★

СВЕТЛАНА ГЕРАСИМОВА
БОРИС ГОРБАЧЕВСКИЙ
ХОРСТ ГРОССМАН

РЖЕВское ПОБОИЩЕ

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА
ОДНИМ ТОМОМ!

Борис Горбачевский

Ржевская мясорубка

«Яуза»

Горбачевский Б. С.

Ржевская мясорубка / Б. С. Горбачевский — «Яуза»,

ISBN 978-5-699-43621-7

Ржевское побоище глазами его непосредственных участников и современных историков! Вся правда об одном из самых кровавых и длительных сражений Великой Отечественной, которое продолжалось в общей сложности около 15 месяцев и унесло более двух с половиной миллионов жизней – больше, чем Сталинград! Немцы не зря величали Ржев «краеугольным камнем Восточного фронта» и «воротами на Берлин», красноармейцы окрестили эту грандиозную беспощадную битву «прорвой», «бойней» и «Ржевской мясорубкой», а историки считают ее «крупнейшим поражением Жукова». Наверное, самые пронзительные фронтовые стихи: «Я убит подо Ржевом...» написаны именно об этой трагедии. Почему Ржевское побоище было фактически предано забвению в СССР? Почему так и не удалось окружить и уничтожить в районе Ржевско-Вяземского выступа группу армий «Центр»? Кто виноват в том, что немецкие войска вырвались из «мешка», который так и не был «завязан»? И есть ли основания возлагать ответственность за эту «потерянную победу» на Г. К. Жукова? В данной книге вы найдете ответы на все эти вопросы.

ISBN 978-5-699-43621-7

© Горбачевский Б. С.

© Яуза

Содержание

Глава первая	5
Первые опыты фронтовой жизни	5
Дядя Кузя	7
Маврий	9
Вверх-вниз	11
Глава вторая	12
В артиллерийской батарее	12
Боевые учения	14
Начальство – в забыты	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Борис Горбачевский

Ржевская мясорубка

Глава первая

Бивак

Июнь 1942 года

Первые опыты фронтовой жизни

Мне нет и двадцати, море мне – по колено, могу пройти тридцать и больше километров марша – хоть днем, хоть ночью, и с полной выкладкой! Мы движемся в зоне фронтовой полосы; нам, курсантам, чуть легче, чем остальным. Бойцы шутя называют себя «обмоточным воинством», с завистью поглядывают на наши сапоги. Их солдатские ботинки – уже не первой молодости, не выдерживают даже легкой сырости, а погода не балует, многие красноармейцы постоянно с мокрыми ногами.

Во время маршей, особенно ночных, я, как и другие молодые солдаты, помогаю не очень здоровым и старым бойцам. Слово «старый» не нужно понимать буквально. В «стариках» ходили и просто бывалые солдаты, и те, кому лишь немногим больше тридцати-сорока – для нас они были уже старики. Мы старались забрать у них винтовку или вещмешок, на привалах – подложить торбу под ноги, принести воды для питья или освежить лицо, подменяли в ночном карауле... На войне такая вроде бы небольшая помощь рождала фронтовое братство. Какой-то весельчак придумал лозунг: «Солдаты всех возрастов, объединяйтесь!» Мы и объединялись. Да еще как! И дорожили этим неписанным правилом. Это облегчало трудную армейскую жизнь, сближало людей и радовало, поднимало воинский дух, а главное, укрепляло веру в доброту, в которой всегда нуждается человек, а на войне – особенно.

Неожиданно нам объявили:

– Встать лагерем!

Мы дошли. Но куда?

Не успели сбросить с плеч вещмешки, новая команда: «Вырыть укрытия!» – то есть глубокие щели на случай воздушного налета: вроде бы вблизи замечена «рама» – немецкий самолет-разведчик.

Это было первое напоминание о фронте.

Лес, куда нас привели, встретил ласково. Прошел легкий дождик, воздух стал чище, свежее, пахло хвоей, распевали птицы. Солнце пробивалось сквозь пышные кроны деревьев, трава, еще невысокая, украсилась первыми весенними цветами – белыми, голубенькими, желтыми, и такими крохами, что еле разглядишь под ногами. Мы полной грудью вдыхали запахи мягкой весенней земли, восхищались царством берез, не могли наглядеться на многоцветные ковры лесных полян. На фронте я в полной мере оценил и полюбил природу. Особенно лес. Лес – великий друг фронтовика. Как без него соорудить блиндаж? Погреться у костра в морозную стужу? Как высушить шинель, сапоги? Как настелить дорогу? Порой он и накормит получше повара! Все радовались лесу, но особенно – деревенские:

– В лесу на душе все так правильно, вроде и не на – фронте.

– Добруха-то какая... Сейчас бы бабу да чарку! Помереть опосля не жалко.

Дождик наполнил водой лесные канавки – курсанты бросились к воде, припали губами. Бывалые солдаты силой оттаскивали нас: кто знает, где подстерегает отравы? Не забыть один

трагический эпизод (он случился немного позднее): новобранцы охотно поддались уверениям «опытного грибника», насобирали грибов, наварили – и отравились. Семеро ребят расстались с жизнью!

Сейчас лес наполнился шумом, перекрикиваниями, командами. Солдаты, как умели, сооружали шалаши из деревьев, еловых веток – для ночевки и от дождя. Готовили площадки для полевых кухонь. Два взвода сразу откомандировали мостить дорогу от лагеря к большаку: саперными лопатками они рубили ветки, складывали их в четыре яруса слоями – попеременно вдоль и поперек, а сверху, чтобы все это придавить, укладывали толстые деревья, подбирая одного диаметра. Трудились все с азартом! И вот на большаке показались долгожданные полуторки и десятка три повозок – они везли харч!

Но проехать несколько сот метров до леса колонне оказалось не под силу. Почва, обильно насыщенная влагой, сразу глубоко осела, поглотив сооруженную дорогу. Первыми на раскисшей как кисель дороге увязли полуторки, доверху нагруженные ящиками и мешками. За ними осели повозки и лошади. Все бросились на помощь. Одни тащили машины, впрягаясь в веревки, подпирая плечами, подталкивая, но моторы то и дело глохли; с того дня полуторки окрестили «первой пятилеткой». Другие вытаскивали из болотной жижи повозки и лошадей, утопавших по брюхо в липкой грязи. Облегчая обоз, взваливали на плечи тяжелые мешки, ящики, и вдвоем, а то и втроем, еле вытягивая ноги, выбирались с грузом на твердь. Если кто начинал ворчать, тут же выговаривали: «Не к теще на блины приехал!» Это уж точно!

Первый наш фронтовой ассортимент состоял из банки американской тушенки – на восьмерых, крупной рыбыны холодного копчения – на пятерых, и на каждого – два сухаря, три столовые ложки пшена, два кусочка сахара и горстка соли. Также выдали по пачке махорки на троих. Табаку бойцы особенно радовались: «Царский подарок!» Зашуршали газеты, задымили самокрутки, учили и меня сворачивать сигарку из кусочка газеты. Прессу нам доставили раньше, чем продукты.

С охотой принялись за приготовление еды. Воду зачерпывали котелками из канав – она уже отстоялась, стала прозрачной, на дне просвечивали иссохшие корни, кусочки коры, ветки. Меню на обед у всех одно: похлебка. С азартом и шумом открывали тушенку, толкли сухари для заправки...

– Тихо! Прекратите шум! – вдруг завопил кто-то из курсантов.

Ему померещилось, что немец-пилот в небе может услышать хруст сухарей. Поднялся хохот.

Тушенку, растертые сухари разложили по котелкам с водой, а я еще добавил голову рыбыны, доставшуюся мне при дележке на пятерых. И приступили к самой трудной операции – сооружению очага. Многие понятия не имели, как это делать, с чего начать. Вот тут-то и пригодилось правило, которому нас учили: делай, как я! – все следовали примеру умельцев. Я тоже очистил от коры шесть толстых веток, обрезал их по концам; по две, скрестив, надежно воткнул в землю по обе стороны костра, уложил на них две оставшиеся палки. Удивляло, сколько нужно опыта и сноровки для такого, казалось, простого дела. А делать все нужно было с умом. Крестовины должны находиться на должном расстоянии от огня, чтобы не загорелись; палки для перекладины, по той же причине, – на определенной высоте и должны быть покрепче, так как обязаны выдержать вес полного котелка, а то и двух, как у меня: я повесил и свой, и Юркин. Сделаешь что-то не так, тут же последует расплата: котелок накренится и зальет огонь, а может и сорваться в очаг.

Дядя Кузя

Все этапы приготовления еды я взял на себя. Юрка не возражал. Особенно после того, как услышал, что я не впервые берусь за поварское дело, а лес знаю – не хуже лесника. На самом деле это была чистой воды бахвальство. Что сразу же стало очевидно, как только я принялся за костер: мне никак не удавалось его разжечь. Юрка потешался, но не вмешивался в мои хлопоты. Лежа на земле, я изо всех сил пытался раздуть огонь, жег спичку за спичкой. Безуспешно. И вдруг услышал за плечами незнакомый, чуть насмешливый голос:

– Эх и неумехи вы, курсанты.

Я выпрямился и обернулся. Возле меня стоял ротный старшина. Крепко сложенный, в волосах седина, лицо открытое, ноги по-кавалерийски кривые. На гимнастерке блестит медаль «За отвагу» – в то время немногие были награждены этой почетной солдатской наградой. Я уже видел этого человека, к нему почему-то никто не обращался как положено – «товарищ старшина», предпочитали по-семейному – «дядя Кузя».

Старшина попросил меня отойти, проверил прочность сооружения и в одну минуту разжег огонь. Объяснив, как это делать, дядя Кузя удивился:

– Как же вас в училище не научили разводить костер, а хоть бы и без спичек? Откуда вы?

Показав на Юрку, я ответил:

– Курсант Давыдов с Урала, а я – подмосковный. Может, слышали про такое место – Кусково?

Дядя Кузя рассмеялся, улыбка была широкой и доброй:

– Мы, брат, с тобой вроде бы земляки. Я жил на две станции ближе тебя – платформа «Серп и Молот», слышал про такую? За ней Чухлинка, потом Карачарово и уж твое Кусково. Так, курсант?

Уютно устроившись у огня, мы еще долго просидели вместе. Старшина коротко рассказал о своей жизни. Почти пятнадцать лет он проработал завхозом в детском садике при заводе «Серп и Молот».

– Бездетные мы с женой, потому всех детишек признавал я своими, а они меня звали «дедулей». Как немец подошел к Москве, сформировали из заводских свой батальон. В бой пошли с учебными винтовками. Наши почти все полегли у Бородинского поля, а я вот живой...

Приглядываясь к нашему собеседнику, слушая его неторопливую речь, я старался понять, кого же он напоминает мне? Долго мучиться не пришлось. Ну конечно же – вылитый лермонтовский Максим Максимыч. Тот же облик, такой же совестливый, доверчивый; не службист, но дело свое знает, может, получше иных высоких чинов. Всего-то знакомы какой-нибудь час, а уже ясно: будь все старшины такими, как он, насколько легче жилось бы солдатам. Я вытаскил из вещмешка блокнот и стал записывать свои впечатления.

Дядя Кузя вдруг забеспокоился, взгляд сделался настороженным:

– Ты, брат, чего пишешь, или роман какой?

– Нет, я веду дневник. Знаете, столько событий, интересных людей, хочу и про нашу встречу записать.

Дядя Кузя заговорил тихо, но чуть ли не приказным тоном:

– Ты, брат, это брось! На войне не положено никакой писанины – хоть ты рядовой, хоть генерал. До большой беды довести может. Такие люди есть, что зорко глядят. – И добавил уже громким голосом: – Ты вот что, выбрось из головы свою затею, поначалу воевать научись, уж потом и записывай. Сию минуту брось сюда все бумажки да угли повороши.

Очень мне было жалко своих записей, но Юрка поддержал старого солдата:

– Послушай доброго совета, старшина знает, что говорит.

И полетели мои листочки в огонь. Зачем я согласился?! В одно мгновение погибла моя мечта вести фронтовой дневник.

Известно, память человеческая – вещь хрупкая. Позже я пожалел о содеянном. Но, как гласит древняя поговорка: что ни делается, все к лучшему, – и вскоре мне явилась мысль записывать советы фронтовиков, сразу вспомнился эпиграф к «Капитанской дочке»: «Береги честь смолоду», – решил, он и мне подойдет, ведь советы эти прежде всего нужны нам, молодым, еще неопытным. И стал я внимательнее вслушиваться в разговоры солдат, не ленился сразу записывать их афоризмы, и к концу войны у меня составилась своеобразный «Свод правил поведения солдата». Ему будет посвящен отдельный рассказ.

Подоспел обед, и я пригласил дядю Кузю отведать моей первой фронтовой стряпни.

– Попробовать – попробую, – охотно согласился он, – спасибо за внимание.

Обед получился чудный! Вероятно потому, что в суп я положил рыбку голову – надо же, как удачно получилось, что она досталась именно на мою долю! Я черпал из котелка похлебку, вслушивался в безмятежный шум леса и испытал, как это ни смешно, какое-то необычайно нежное чувство к супу: вдруг вспомнилось, как кормили меня в детстве – «за маму, за папу, за бабушку, за дедушку» – и дитя покорно терпело «противный» суп. А нынешний суп – это не просто предмет моей поварской гордости, это нечто более значительное – серьезный шаг в самостоятельную жизнь. Напишу домой о своем первом фронтовом обеде!

Дядя Кузя похвалил мой суп, что еще более повысило мою высокую оценку собственного творения. Мы еще немного поговорили и расстались.

Я и представить не мог, как много значит встреча с этим удивительным человеком для всей моей дальнейшей фронтовой жизни. Чему только он не научил нас, молодых, – курсантов и новобранцев! И как лучше пользоваться штыком и саперной лопаткой, и как разжечь костер на сильном ветре или под дождем, как использовать рельеф местности, чтобы скорее и безопаснее добраться до противника. Его советы охватывали столь многое: от разумной упаковки вещмешка – до умного и умелого поведения в бою. Подробно и терпеливо он объяснял нам фронтовые премудрости – например, как можно спать на ходу, когда валишься с ног во время долгих ночных маршей: два солдата держат под руки и ведут третьего – спящего, чтобы он не наткнулся на препятствие или не свернул в канаву.

– Разумеется, надо заранее освободить его от оружия, – втолковывал дядя Кузя. – Затем меняетесь. Ничего мудреного: ноги идут, а ты себе спишь, голова отдыхает.

«Ничего мудреного»! Так почему же эти знания и опыт нам не преподали в училище?! Зато нас научили, как вести себя по уставу при встрече с начальством: сначала положено поприветствовать и только потом представиться. Смертельно важно! – на плацу да на кумачовой дорожке начальственного коридора.

Фронтовая жизнь быстро развела нас, и до конца войны я ничего не знал о старшине, даже погиб он или остался в живых. В конце сорок шестого – я только распрощался с армией – однажды в телефонной трубке раздался спокойный глуховатый голос, я сразу узнал его: дядя Кузя! Он разыскал меня и пригласил на семейный юбилей – серебряную свадьбу. Я поехал и испытал радость от встречи с удивительно мудрым и добрым человеком.

Где-то в конце 50-х годов позвонила его жена и сообщила печальную весть: муж внезапно скончался от инфаркта. Я поехал на похороны. Ехал я на электричке, до платформы «Серп и Молот», как и говорил дядя Кузя, и по пути только что не молился. Как я благодарен судьбе! Как же часто мне везло на добрых людей, и всегда они появлялись в самое нужное время, словно их посылала мне какая-то добрая волшебная сила. Вот и дядя Кузя... Сколько жизней спас этот человек своим душевным вниманием, добрыми советами!..

Маврий

Собрались спать; завтра особый день – встреча с командирами и определение всех в строй. Внезапно к нам подошел невысокий белобрысый совсем юный солдатик – гимнастерка и брюки висели на нем, как на вешалке. Попросив разрешения, он подсел к затухающему костру и сразу заговорил:

– Вы вроде бы грамотные, в сапогах, а мы – обмоточники, как мой тятя на Первой мировой, потараторим маленько. Я сам мордвин, четыре класса кончил, телеги чинил в колхозе, уважали деревенские. Маврием зовут. Так вот, завтра, глядишь, разберут всех кого куда, расстанемся, и поведут убивать. Так вот: как мне поступать? Мы верующие, папаня и маманя за веру дважды на Севере побывали. Так вот, привезли нас на человекобойню – так тятя окрестил ЭТО, мол, как иначе ЭТО назвать? Так вот: как же так – стрелять в человека? Нам вера не позволяет.

Тут Юрка резко сказал:

– Немец – не человек, а фашист, убийца. Знаешь ты это, солдат? Чего его жалеть!

– Так-то говорят... А разве фашист не живое существо?

– Вот тебе на! Все мы станем стрелять в противника, а ты в воздух?

– Выходит так-то.

– Да тебя, живое существо, судить следует. Ты это понимаешь?

– Так-то...

– Что же ты думаешь?

– Себя бы прихлопнул. Опять же... вера не позволяет. – Казалось, еще минута, и он захлопает.

Да держал ли этот солдат винтовку в руках? Может, и его перед фронтом на палках учили, мы уже слышали о таком от новобранцев. Зачем он обратился к нам? Захотел исповедаться? Посоветоваться, найти ответ на раздиравшие душу сомнения? Видно, страшно показалось говорить о таком с командиром, с товарищами. Впервые в жизни я встретил религиозного человека, мне даже жалко его стало, захотелось помочь – но как? Мы же, черт возьми, все в одной упряжке, для всех нас сегодня первый фронтовой день.

Юный солдатик сильно нервничал, искал необходимые слова, стараясь получше объяснить свои переживания, моляще глядел на нас:

– Так вот, как мне быть? Я на вас надежду положил. Тятя учил: «Приедешь на войну, Маврий, учуешь доброго человека – доверься ему: мол, так и так, – и проси совета».

– Вот-вот! – сказал Юрка, похлопав его по плечу. – Держи язык за зубами, солдат, – вот мой главный совет. Поступай как знаешь, не маленький, но запомни: попадешь к фашистам – они с тобой церемониться не станут, быстро прихлопнут, не сомневайся.

Неожиданно Маврий потянулся к Юркиной руке – ну и дела! Видно, хотел поцеловать, но Юрка вовремя отстранился и сделал вид, что ничего не заметил.

Маврий стал рассказывать о своем роде:

– Папаня семью в строгости держал, так-то говорил: «Трудись сызмальства, Маврий. Не ной, ты не баба. Не болтай зазря. Не вой на тяжбы голода и холода – терпи. Крестьянская жизнь – не мед, но не изменяй ей, в нашем роду она заведена была еще дедами. Но в обиду себя не давай. Живи по-людски. Главное, веру не забывай. Без нее пропадешь!» Так-то. А у нас во взводе русских мало, почти одни турки (видимо, узбеки): молчат или молятся своему богу да изюм едят. Набрали из дома полные мешки, сами едят, а нам – по пять изюминок в день, и те считают. Злыдни, в деревне таких – под лед головой.

Я вмешался в его монолог:

– Ну нет уж, Маврий, тут ты не прав, нехорошо «под лед головой». Ты же видел: они не варили выданные продукты, ели сырыми, потому, наверно, и дорожат остатками изюма. Может, им вообще наша еда не подходит. Люди разные, и вера у них разная, но не бывает человека без доброты.

Юрка тут же отозвался:

– Я не уверен. А немец-бандит?

Маврий спросил:

– К чему призывает турков ихний бог, станут они воевать?

Юрка усмехнулся:

– Что ж, Маврий, сам с ними не потараторил – глядишь, и среди них унюхал бы доброго человека?

– Я-то похлопотал, да без толку – не тараторят они по-нашенски и я ихней речи не разумею.

– Как же командиры учить их будут?

– Так на то толмачи пригодны.

– Я так думаю, – сказал Юрка. – На фронте, как и в деревне, жизнь не мед. Вот и будем воевать по правилам твоего отца: «Не вой. Терпи. Не изменяй». Так-то и будем верны присяге.

– Так-то правда. Ладные вы. Может, еще и встретимся. От души вам – за хлопоты да угощение.

Маврий поднялся. Два шага, и растворился в ночи.

Да, верующим всем нелегко, а узбекам во много раз труднее. Все мы всего один день на фронте, а сколько уже сложностей. Примерно через полгода во время боев за Ржев в соседней части произошел забавный случай. На переднем крае пропал с поста солдат-узбек: стоял с ружьем, а потом исчез. Подумали, что перебежал к немцам. На следующий день к вечеру он приполз живой и невредимый, в кармане записка на русском языке: «Нам такой «язык» не нужен. Возвращаем обратно».

Ночь выдалась теплая. Мы с Юркой всегда вместе, но сегодня разговор не клеился, все мысли – о завтрашнем дне. Понимая, что это, возможно, последний наш «философический разговор», как мы называли свои беседы, я спросил:

– Как думаешь, скоро на передовую? Что мы знаем о противнике?

И сразу почувствовал, что Юрка в дурном настроении.

– Ты задал два вопроса. На первый, наверное, лучше, чем я, ответил бы тебе тараторщик, он часто общается с богом. А на второй ты сам знаешь ответ. Как учил «вонючий цитатник»: «Немцы – фашисты, убийцы, мародеры, насильники, гитлеровские головорезы...» Он политрук, ему виднее.

– Юрка, но ведь не все немцы – фашисты, у них же самая крупная компартия в Европе! Куда делись их коммунисты?

– По мне, так все их коммунисты – гады, переметнулись к Гитлеру! Кто струсил, кто-то увидел выгоду для себя, другие поверили фюреру. Не сомневаюсь, в первом же бою мы с тобой будем стрелять и в бывших коммунистов.

– Нас учили под лозунгом: «Через ненависть – к победе!» А узбеки? Что они знают о немцах? Половина, если не больше, неграмотные. Какая у них ненависть к немцам? Знают ли они вообще о Германии?

– Ты преувеличиваешь. Думаю, немало среди них и таких, кто не хочет говорить по-русски.

Он замолчал. Я прямо-таки не мог узнать Юрку.

На этом наш разговор закончился, так и не состоявшийся.

Вверх-вниз

На следующее утро солдатский телеграф сообщил: ночью привезли триста курсантов из Камышловского военно-пехотного училища и семьсот новобранцев-москвичей. После завтрака нас всех построили на большой поляне. Перед распределением по батальонам командир полка обратился к солдатам:

– Я хочу знать, есть ли среди вас охотники, кузнецы, механики, шоферы, портные, сапожники, фельдшеры, повара? Только без обмана!

Призыв начальства, естественно, вызвал общее оживление. Вперед из строя вышли многие. Их имена записывали помощники начштаба полка.

Наступил полдень, мы все еще стояли на поляне. А в это время начальство, как мы вскоре поняли, занималось распределением: кого – в пехоту, кого – в артиллерию, кого – в саперы, связь, медсанбат, в оружейники, на штабную работу, всех охотников – в снайперы... Из курсантов сформировали две отдельные роты: пулеметчиков и автоматчиков – правда, пока без автоматов. Позже я узнал, что Юрку, он в другом полку, определили на штабную работу.

Появился комиссар полка. Видимо, его прихода ждали. Он пошел вдоль строя, задавая солдатам вопросы; часто, не дождавшись ответа, спешил вперед. За ним шел высокий худощавый командир с одной шпалой в петлицах. Узкие глаза, иссиня-черные короткие усики и смуглое лицо позволяли предположить его восточное происхождение. Оказалось, это комсорг полка Халиков. Обращался он, как правило, к курсантам. Подойдя ко мне, спросил, откуда я, комсомолец ли, какое образование, участвовал ли до армии в общественной работе. Потом догнал комполка, перекинулся с ним несколькими словами, вызвал меня из строя и забрал с собой.

Так, ненадолго, я стал помощником комсорга полка. За короткое время мы подружились и во внеслужебное время стали обращаться друг к другу по имени, звали комсорга Сабит. Я аккуратно подшивал документы в папки, хранил комсомольские билеты. Если комсорг был занят, проводил заседания комитета комсомола. Помогал комсоргам батальонов создавать первичные организации в ротах и батареях. Беседовал с молодыми солдатами, если мне это поручали; читал им статьи из центральной и армейской печати.

Через две недели моя комсомольская карьера закончилась. Случайно я попался на глаза проходившему мимо парторгу полка – мрачному человеку, которого политработники полка старались обходить стороной, зная его несносный характер. Рассказывали, что до войны он возглавлял партийную комиссию в одном из райкомов и при рассмотрении личных дел признавал единственное решение: исключение из партии.

Встреча с ним произошла при невыгодных для меня обстоятельствах: я был без пилотки, в расстегнутой гимнастерке, без ремня, а самое главное, и это больше всего его разозлило, он застал меня за приготовлением обеда, – спросил с раздражением:

– Кто вы такой? Что вы делаете в политчасти?

Я доложил как положено:

– Помощник комсорга полка.

– Почему занимаетесь приготовлением пищи в политчасти?

Я попытался объяснить, что мне выдают сухой паек, а в командирскую столовую не пускают как рядового.

Мои доводы, по-видимому, его не убедили. Вскоре меня вызвал Халиков и, виновато опустив глаза, спросил, куда я хочу, в какую часть. По лицу Сабита я понял, что досталось ему крепко, и, не задавая вопросов, попросил направить меня в артиллерию:

– Я же учился на минометчика.

– Ладно, – сказал Сабит, – станешь пушкарем.

Глава вторая

Как я искал правды, и что из этого вышло

Июнь – июль 1942 года

В артиллерийской батарее

Уже месяц, как я служу четвертым номером, то есть подносчиком снарядов, в орудийном расчете. Орудие – «сорокапятка», то есть 45-мм противотанковая пушка. Должность у меня не ахти какая, но с чего-то ведь надо начинать.

Командиром у нас – старший сержант Леня Лошак. Ему двадцать два. Крепкий мужик из-под Тамбова. Дело свое знает – профессионал-артиллерист высокого класса. К подчиненным относится строго, но справедливо. Со всеми одинаково ровен. В общем, лучший вариант взаимоотношений командира и подчиненных. В расчете его уважают, стараются точно и быстро выполнять все приказы.

В расчете нас шесть человек. Самая важная фигура – наводчик: успех или неудача во многом зависят от него. Танк – движущаяся цель; чтобы его поразить, требуются хладнокровие, точный расчет, умение верно и быстро оценить ситуацию. Наш наводчик Андрюша Панюшкин, в моем представлении, волшебник – он уже сжег два немецких танка.

Я сразу полюбил «сорокапятку». Старался больше разузнать о ней, научиться артиллерийскому делу. Бывалые артиллеристы охотно объясняли роль пушки в бою:

– Тяжелая артиллерия стоит на три-пять километров позади переднего края. А мы – истребители вражеских танков и – главное – неподавленных огневых точек. Стоим мы, как правило, вместе с пехотой, на сотню-полсотни метров позади нее. А в бою, когда пехота идет в наступление, мы, батарейцы, катим пушки следом и стараемся защитить пехотинцев от танков. В этой ситуации батарея попадает в невыгодное положение: солдаты укрываются за любой бугор, а ты в открытую катишь пушку – немец в тебя лупит и лупит. Вот и получается: «Ствол длинный, а жизнь короткая».

Вступает другой артиллерист:

– Елки-палки, пехота наступает – мы за ней. Батальон ночь отдыхает на новых позициях, а нам приказ: «Окопаться! Замаскировать позиции!» Утром – артподготовка и бой! А вечером опять, елки-палки, перегруппировка: прибываем на новое место ночью, беремся за лопаты. Так измотаешься, что все до фени.

Зная недостатки «сорокапятки» – в борьбе с танками она была слабовата, все равно бойцы любили ее. Легкая, 540 килограммов: угодит в воронку – сами вытащим; правда, нелегко подносить снаряды: вес ящика – 50 килограммов, но вдвоем справлялись. В бою каждый попавший по назначению снаряд «сорокапятки» сберегал солдатские жизни. А для самих артиллеристов оказались бесценны ее высокая маневренность и широкий стальной щит, спасавший от пуль и осколков.

В 1943 году Красная Армия получила на вооружение 57-мм пушку – превосходное орудие! Им постепенно заменили «сорокапятки».

После войны я прочел, что Сталин однажды сказал Грабину, конструктору 76-мм орудия: «Ваша пушка спасла Россию». О «сорокапятке», к сожалению, таких слов никто не произнес.

Командовал артбатареей капитан Василий Иванович, опытный артиллерист, за участие в боях под Москвой награжденный орденом Красной Звезды. Солдаты прозвали его «наш Чапай». Он и сам, хотя был лет на десять моложе, старался походить на своего героя: отрастил

чапаевские усы и тщательно следил за ними. Но на его молодом лице они казались лишними, не придавали ему желанной романтики. Мне понравилась его беседа с нами, молодыми бойцами.

– Главное в бою, – сказал капитан, – выбрать правильную позицию и вовремя окопать орудие. Не сделаете того и другого – немец пойдет в лоб и вы с ним не справитесь. Чтобы точнее ударить по танку, надо выбрать момент, когда он хоть на пару секунд повернется к вам боковой броней – она тоньше. Если близко подпустите, танк может развить скорость и сомнет огневую позицию – даже если пробьешь броню, может не остановиться. Или один загорится, а другой пойдет дальше. Танк обязательно надо сжечь!

Боевые учения

Батарея состояла из трех взводов, по три орудия в каждом. Плюс двадцать шесть лошадей. Размещалась батарея в двух деревушках, отстоящих недалеко друг от друга, разделяли нас живописный лесок и маленькая речушка. После отступления немцев в деревушках уцелело по две-три избы и пятку сараев, от прочего остались только обугленные фундаменты и пустые собачьи будки. Жители – их осталось немного, в основном старики, старухи и дети – обитали в землянках, куда стащили все, что удалось сохранить. Крестьяне рассказывали, когда в деревню приходили немцы, они в первую очередь разыскивали и расстреливали комиссаров, коммунистов и евреев, а затем убивали всех собак.

В одной из деревушек чудом сохранилась приличная крестьянская изба, ее заняло командование батареи. На окраине, ближе к лесу, разместились в палатках солдаты. На противоположной стороне в отрытых траншеях упрятали, хорошо замаскировав, орудия. Подальше, на опушке леса, построили конюшни и площадку для кухни. Особое место занимал глубоко врытый в землю, покрытый крепкими бревнами склад боеприпасов.

Дни проходили быстро. Подъем, лишь солнышко всходит, весь день с пушкой в обнимку, и, глядишь, уже ночь. Не раз командир батареи устраивал тревоги, проверяя по часам, насколько мы готовы отправиться в путь. «Расчеты, к оружию!» – звучала команда, и каждый мигот занимал свое место у орудий. Хотя «первый блин» вышел комом, вскоре командир уже хвалил батарейцев.

Казалось, все идет как положено. Мне, как и всем, вручили карабин, противогаз, два санитарных пакета и красноармейскую книжку, в которую старшина записал мою первую фронттовую профессию: «артиллерист». Как я гордился, глядя на эту запись!

Кормили нас по нормам второго эшелона, но выходило терпимо. Что-то добавлял повар за счет леса и благодаря хлопотам старшины Осипа Осиповича.

С утра до вечера с нами занимались командиры. Пять раз в неделю батарея выезжала на учения. Выбирали удобные позиции – основную и запасные, выдвигали орудие, метрах в шестистах-семистах выставляли фанерные макеты танков и открывали огонь. Иногда позволяли использовать один боевой снаряд. Попробуйте одним выстрелом поразить движущуюся цель! Часто стреляли по мишеням из карабинов, что оказалось труднее, чем из винтовки, – сильная отдача. Ничего, привыкли и к этому. Труднее давались ночные караулы. Как и в училище, после них не освобождали от дневных занятий.

Еще тяжелее, чем ночные караулы, оказался постоянный труд по устройству огневых позиций. Сколько мы перекопали земли! Часами не выпускали из рук кирку или лопату! Вот уж где выдыхались! Наш командир Леня Лошак говорил:

– Не успеете сами окопаться, окопать орудие, – погибеть!

И мы старались.

Расчет занимал отдельную палатку. Среди нас были опытные фронтовики, новобранцы и два курсанта – такого ужасного явления, как дедовщина, мы не знали. Вечерами разрешалось посидеть перед палаткой, «побалакать за жизнь», как украинцы говорят. Шутили, дымили самокрутками. Нашелся и баянист, Коля Шуляк, инструмент он привез с «гражданки»; до войны Николай был совхозным конюхом, в батарее служил ездовым.

Когда выдавалась свободная минута, я старался расспросить бывалых фронтовиков. Солдат, прошедший сорок первый, рассказывал:

– Он, когда прет на тебя, чешет из пушки, пулеметов – может раздавить и тебя, и орудие. А ты что? Попробуй его подбить! А гранатой его не возьмешь. Танк надо обязательно сжечь! Это каждый тебе скажет.

Я спрашиваю:

– А если танковая атака?

– Страшное дело. Здесь немцы, главное, действуют на психику, любят стрелять на ходу – что танкисты, что пехота. От такой стрельбы пользы мало – это все знают, но на психику действует, особенно на молодых, необстрелянных. Я и сам не раз поддавался. Не получилось подбить, сжечь – лучше пропусти его через себя, понадежней укройся в окопе, а потом бей и бей, чем можешь, как можешь – только бы задержать огнем идущих за танками пехоту, мотопехоту...

Самая колоритная фигура батареи – старшина Осип Осипович, прозванный «и нашим и вашим». Солдаты чутко подмечают характер начальства, будь то старшина, взводный или даже комполка. Об Осипе Осиповиче все знали – оборотистый мужик: и с рядовыми прилично себя ведет, и об интересах начальства не забывает. Осип Осипович любил и часто произносил перед нами длинные речи. А говорил он, как правило, примерно следующее:

– Кто есть старшина?! Старшина есть тыл армии. Что есть тыл армии? Это основа ее существования и главное условие победы. Без тыла – ни прокормить солдата, ни согреть его душу чарочкой! Ни помыть его вовремя в баньке – а значит, не избавить от вшей! Без тыла не двинется в бой ни один танк, не взлетит самолет, не выстрелит ни одно орудие! Не получит желанную бабу ни один генерал! Усекли, артиллеристы, значение старшины? Будем считать, усекли! Так что прошу любить и жаловать Осипа Осиповича, выполнять точно все мои указания.

Начальство – в забытии

Осип Осипович – третий мой старшина. Сколько их еще будет! Скверно, когда старшине не хватает разума, культуры, образования, – такое часто бывает, но это еще можно вытерпеть. Вдвойне, втройне скверно, если ему недостает самых обыкновенных человеческих чувств. Самый трудный случай, и тут уже ничего не поделаешь, когда старшиной овладевает мания величия, когда он уверен в своем превосходстве над рядовыми.

Наш старшина – человек иного склада, он всегда готов помочь солдату. А как заботится о конюшне! Разбуди Осипа Осиповича ночью – он без запинки перечислит всех лошадей, их масти, клички. Печется он и о начальстве. Ну и пусть себе печется. Главное – чтобы о солдате не забывал. Всем нам казалось, что Осип Осипович так и поступал. Ну скажите, как такого человека не уважать, как не простить ему всякие мелкие грешки? Идеальный старшина!

Однако вскоре жизнь батарее круто перевернулась, и солдаты сбросили с пьедестала «идеального старшину».

Первое – ухудшилась еда. Вместо супа, заваренного на американской тушенке, стали кормить баландой. Тем, кто не ел баланды, разъясняю: это горячая водичка, заправленная крупой, травкой и солью. Тушенка, точно привидение, исчезла из рациона. То ли проливные июльские дожди затормозили подвоз, то ли союзники перестали присылать? Всякое приходило в голову – человек, видно, так устроен: если происходит какая-то несуровица, он прежде всего старается понять.

После исчезновения тушенки пришла очередь хлеба – ломоть похудел. Затем и сахар стали выдавать через день. Почему?

Новые сомнения: командиры стали отлынивать от занятий, перепоручая свои обязанности сержантам. Реже выезжали в поле. Опять помешали дожди? Забыл нас и комиссар. Перестали доставлять газеты, и мы не знали, что происходит в стране, на фронте, а кроме того – лишились раскучного материала!

Затем случилась совсем уже подлость! Урезали довольствие лошадям, до предела сократив ежедневную норму овса.

Стало худо и людям, и животным, которых мы обожали и которые, в отличие от нас, не способны были искать оправданий.

Прошло две недели в новом полуголодном режиме. Все стали затягивать пояса и как-то приспосабливаться. Я, например, отдавал почти полпайки согласившимся заменять меня на ночном посту.

Вскоре нас совсем оглушили – стали запрягать нас вместо лошадей. Приходилось на себе волочить пушки два километра до места учений – иначе из-за сильных дождей в поле их не доставить. Понятно, в боевой обстановке может быть и похуже, придется и на себе тащить, но так поступать сейчас? А причина тому – обессилели лошади. Артиллерийской лошади положено в сутки не меньше шести килограммов овса. Она их не получала. С грубыми кормами (сеном, соломой) тоже оказалось слабовато – откуда их взять? Голодные кони, не углядишь, начали грызть друг у друга хвосты, глодать коновязь, а это, не дай бог, могло привести к большой беде.

Замечательно высказался один француз-кавалерист. На упрек маршала Мюрата он ответил: «Люди могут идти без хлеба, но лошади без овса – не в состоянии. Их не поддерживает в этом любовь к Отечеству».

Тащить пушку по мокрой глинистой земле, да еще под дождем, – занятие малоприятное. А чуть доберемся, измученные, мокрые, выберем позиции, как тут же, без всякой передышки, звучат команды:

– Танки с фронта!.. Танки с тыла!.. Танки с флангов!..

Только успевай соображать, разворачивать оружие, изменять прицел, перетаскивать снаряды... Но на пустой желудок – какая стрельба? Валимся, обессилив, один за другим на землю, все грязные, мокрые, да еще и злые, голодные. Отучившись, волочим пушку обратно. Добежимся до палатки, а командир взвода или сержант еще четверть часа держит в строю: разбирает прошедшее учение. Так положено! Приведем себя в порядок и строем на кухню. А там баланда да каша без масла, кружка полусладкого чая. И эдакое всякий божий день. Хорошо, что повар – мужик приличный: попросит кто добавки – не пожалеет лишнего черпака.

Новые чудеса. Обычно многие после обеда шли ненадолго в конюшню – гладили лошадей, кормили их травкой, беседовали с ездовыми – те, помню, часто напевали частушку: «Два – за сено, три – за воз, полтора – за перевоз. Чечевица с викою, а я не чирикаю...» Теперь, правда, пение прекратилось. И вдруг всем запретили заходить в конюшни, причем без всяких объяснений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.